

КУДА ПРИВОДИТ БАЛИ

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская
Куда приводит Бали

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Куда приводит Бали / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Московская организаторка свадеб Вика всю жизнь строила чужое счастье. За три дня до собственной свадьбы жених сказал «давай возьмём паузу» — и Вика сделала то, чего никогда не делала: отложила всё и улетела на Бали. В один конец. Без плана, без списков, без обратного билета. Только «цифровой детокс-ретрит» оказался фикцией, денег нет, а остров вместо «перезагрузки» подкидывает новый хаос: крошечный семейный гестхаус «Пелаги» на утёсе, его невозмутимого хозяина — балийского архитектора Дэву, который всю жизнь несёт на себе долг перед семьёй и боится хотеть, — и целую деревню чудаков, у каждого из которых своя «пауза». Тёплый, смешной и до слёз роман о том, что нельзя управлять тем, что любишь. О том, что закаты приходят сами. И о том, что иногда, чтобы найти себя, нужно просто — перестать хватать и позволить морю отдать тебя обратно. Куда приводят закаты?.. К человеку, рядом с которым не надо держаться.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чемодан, который нельзя сдать	5
Глава 2. Пелаги	8
Глава 3. Рынок вместо йоги	11
Глава 4. Девушки-«на дозвук» и мастерская Аиды	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Куда приводит Бали

Глава 1. Чемодан, который нельзя сдать

Всё началось с того, что у меня сломался чемодан.

Не колёсико. Не ручка. Сама жизнь. Но если захотеть упростить — сломался чемодан: в тот день, когда я решила, что больше никогда не буду всё контролировать, молния на моём самом дорогом чемодане разошлась по шву вместе с моим спокойствием.

Насчёт «никогда не буду контролировать» — это громко. Я Вика, и я всю жизнь составляла списки. В четырнадцать завела папочку «Жизнь» с папками внутри; в двадцать — расписание на неделю, разлинованное по цветам; в тридцать я организовывала чужие свадьбы так, что у гостей не оставалось ни минуты, чтобы сорваться в запланированном месте. Я знала, чем всё закончится, ещё до того, как это начиналось.

Поэтому, когда Артём — мой будущий муж с идеально выверенной совместимостью по всем тревожным тестам — объявил «давай возьмём паузу» за три дня до свадьбы, я даже не удивилась. Удивилась другому: проронила всего две слезы. И обе — не по нему.

За минуту до этого я стояла посреди склада «Тут были бы цветы, но мы решили сэкономить» с напольным вентилятором в руках и вдруг поймала себя на том, что думаю об этой свадьбе как о свежем пироге на подоконнике: красиво, ровно, я уверена, что получится. И — ни к кому. А где я в этой свадьбе? Где мы?

Я всю жизнь строила чужое счастье. Идеальные залы, идеальные слова, идеальные таблички с именами. А своё так и не собрала.

Так что вздох я сделала не от горя, а от ясности. Выключила вентилятор, вышла со склада, зашла в офис и подала заявление. Через четырнадцать часов всё, что у меня было, — чемодан, переходник, три упаковки имбирных леденцов от укачивания — стояло у кассы в Шереметьево, рядом со стойкой с надписью «ДЕНПАСАР».

Бали. Я выбрала его потому, что это было самое далёкое от Москвы место, куда долетал самолёт, но при этом там пишут, что оздоравливаешься. А я «оздоравливалась» бурно: купила билет в один конец, забронировала «цифровой детокс-ретрит» — «Дыши. Замедлись. Перезагрузись на острове богов, посреди джунглей, в компании единомышленников, 10 дней» — и даже успела получить три письма о том, как всё будет замечательно.

— Пассажирка! — окликнул меня человек в форме за стойкой. — У вас вес. Сорок килограмм. Вам оформляли багаж?

— Так это чемодан, — сказала я. — Один. На десять дней.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который принёс в банк тележку денег и заявил, что это «сдачу в магазин». Потом — на чемодан, который был больше меня, и на молнию, которая давно устала быть молнией.

— Доплата, — выдохнул он. — И вам лучше бы это зашили.

— Вы зашиваете?

— Нет. Но там, куда вы летите, это важно.

«Там, куда вы летите, — важно». Я не поняла тогда, но запомнила. Потому что это первая фраза, которую мне сказал кто-то на этом острове. Хотя нет. Первую я сказала себе сама, когда самолёт проваливался сквозь облака и в иллюминаторе мелькнула вода — такая бирюзовая, что её словно рисовали с перебором. Я подумала: «Вика, ты больше никому ничего не обещаешь. Даже себе. Особенно себе».

И, честно говоря, получилось.

На протяжении шести часов.

◆ ◆ ◆

В Денпасаре я поняла, что «ретрит» начался без меня: в аэропорту никто не стоял с табличкой, хотя в приложении было написано: «Шофёр встретит. Только не теряйтесь, здесь так легко потеряться». Я не потерялась. Я, наоборот, нашла себя — в зале прилёта, с чемоданом-переростком и тремя упоёнными агентствами, которые предлагали такси, гид-ёлку и «два часа удовольствия за десять долларов». Что подразумевалось под удовольствием, я благоразумно не уточнила.

Телефон не ловил. Международная связь оказалась той кнопкой, которая говорит «проверьте баланс», а баланс — это когда заходишь на обменник, тыкаешь «рубли» и видишь, что тебе становится чуть грустнее.

Стояла я так, человек среди людей: кто-то бежал, кто-то нёс на плече ребёнка, кто-то — серф, и все улыбались. Вдруг за стойкой напротив я заметила женщину лет сорока в льняной рубашке, с волосами, собранными в небрежный пучок, — она рисовала в скетчбуке, не поднимая головы, и у неё была та спокойная, взрослая осанка человека, который никуда не спешит. На запястье висел браслет из тёмного дерева, а вокруг пахло глиной и чем-то земляным.

Она поймала мой взгляд и улыбнулась — не натянуто, а так, будто мы уже были знакомы.

— Никак заблудились среди всей этой красоты? — спросила она на беглом русском без акцента.

— Похоже на то, — призналась я.

— Я Аида, — сказала она, захлопывая скетчбук. — Живу тут восемь лет. Если вы «на той стороне, где всё посыпалось», то добро пожаловать — тут умеют ждать, пока посыпется ещё раз. — Она помолчала. — А вообще, не переживайте. Здесь даже то, что у вас разваливается, разваливается красиво.

Я засмеялась. Впервые за много месяцев засмеялась от чего-то незапланированного.

Мы разговорились, и она дала мне свой номер — «на всякий случай, если совсем станет непонятно». Я тогда не знала, что этот номер станет для меня одним из самых важных, а она — одной из тех, кто меня спасёт.

Сейчас по часам было четырнадцать дня по местному. Все десять «по расписанию», которые я себе обозначила, тихо растворялись в воздухе, как сахар в чёрном кофе.

У «Эко-хижин у водопада» меня снова никто не ждал. Зато там стоял человек с табличкой «ДЫШИ. МЕДЛЕННО. ПЕРЕЗАГРУЗКА» — правда, табличку держал не водитель, а сам водопад: менеджер, разведя руками, сказал, что сегодня все «эко-хижины» заняты, и что моё бронирование они, к сожалению, не находят.

— Но у меня же подтверждение, — сказала я, показывая письмо.

— Да, — кивнул он с доброй, солнечной улыбкой. — Да, у нас такая. Только сегодня нет. Завтра есть.

— А сегодня где?

Он сделал сочувственное лицо — как при известии, что у тебя сломался чемодан, — и развёл руками ещё раз.

Я села на свой чемодан. Он был огромный, я была маленькая, и мне показалось, что из меня сейчас выйдет весь остаток сил. Где-то на краю кафе играли бамбуковую музыку, пахло цветами и пыльным ароматным асфальтом, а я сидела на сорока килограммах собственных вещей и не видела выхода.

А потом за соседним столом засмеялся человек, евший «наси горенг» прибором, который он до этого крутил в руке, и у меня внутри что-то щёлкнуло. Не обида. Не горе. Ярость. Самое здоровое чувство, которое было во мне за последние месяцы.

Я распахнула приложение с жильём, и оно предложило мне «гестхаус на утёсе» — то, что, по описанию, «идеально, если вы не ищете курорт, а ищете жизнь». Цена была смешная.

До места — сорок минут на скутере, который я в жизни не водила. И там, внизу описания, мелким зелёным шрифтом стояло:

«Пелаги. Тихое место, где закаты приходят сами».

Я заказала его, не читая отзывов. Про закаты не думала. Думала о том, как спать. И о том, что завтра у меня будет целый день. Один.

Как я узнала скоро, «Пелаги» — а вместе с ним целая вереница новых людей — уже ждал меня. Все они — Аида, Патрик, Нуан, Сатри, дядя Кетут, бабушка Маде — пока стояли где-то за кадром этой беготни, и я ни о ком из них не подозревала.

А закат — ошибка в том, что я вообще об этом подумала.

◆ ◆ ◆

Через сорок минут я стояла посреди утёса, на крошечной тропинке, перед бунгало, у которого была оторвана одна ставня и которое пахло деревом, морем и немного дымом от гриля. И смотрела на небо.

Я — человек, который никогда не смотрит на небо просто так, потому что это непродуктивно, — смотрела на закат, и у меня отнялась способность чувствовать что-либо, кроме вот этого.

Оно было оранжевое, розовое, лиловое — и всё это одновременно; море под ним становилось золотым, и маленький человек на серфе ехал по этой золотой полосе, как по дороге в никуда, и было так, будто весь остров сделал паузу и задержал дыхание.

Я стояла с чемоданом. Одна. Чужая. Впервые за тридцать лет — ничего не ждущая. И — боже, как же хорошо.

И тут из кустов на тропинку выскочила девочка лет восьми, в ярком платье и с тоненькой палочкой в руке. Она подбежала, но вдруг прихрамывая — я заметила, что одну ногу она почти не наступает, — остановилась, посмотрела на меня с любопытством и сказала на ломаном английском:

— Ты новая? Наша вилла — хорошая. И Дэв — хороший. Только он не говорит, что хороший.

Я наклонилась к ней.

— А тебя как зовут?

— Сатри, — сказала она, и в её глазах блеснуло что-то живое. — А ты приехала насовсем?

— Не знаю, — честно ответила я. — А ты?

Она посмотрела на свою ногу, потом на меня и очень-очень серьёзно сказала:

— Я тоже не знаю. Но мама говорит, надо хотеть. А я хочу, чтобы нога болела не так. — И она убежала, прихрамывая, по тропинке вверх, туда, где в сумерках угадывались дома деревни.

Я стояла и смотрела ей вслед. И почему-то у меня щипнуло в груди.

А потом за спиной скрипнул бамбук, и хрипловатый, спокойный голос сказал на почти идеальном русском:

— Вам, наверное, надо что-то, но я искал не вас.

Я обернулась.

И, как это всегда бывает, когда перестаёшь всё контролировать, — всё пошло не так. В самом лучшем из возможных смыслов.

Глава 2. Пелаги

Мужчина, стоявший на тропинке, был балиец и при этом выглядел так, как выглядит человек, который не появляется там, где его ждут, а появляется там, где нужно.

Он был в выцветшей синей футболке, с чуть загорелыми смуглыми руками, со прядью тёмных волос, упавшей на лоб, и удерживал на плече доску — не серфборд, а деревянную, со странной красивой фактурой. В другой руке он держал что-то мелкое и зелёное. Передо мной он стоял так, как стоит человек у воды: спокойно, не торопясь, весь на месте.

— Я искал не вас, — повторил он, чуть улыбаясь. — Я искал кота. Он серый, толстый и, судя по всему, считает, что весь этот утёс — его.

— А меня? — спросила я, потому что это была единственная разумная мысль, которая не дала мне просто стоять и тарашиться. — Ну, то есть... я постоялица. Я забронировала. Правда, может, снова что-то не так? Сегодня у меня день такой, что всё, что может быть не так, — не так.

Он моргнул. Потом оглядел меня: чемодан, переходник в руке, лицо человека, который только что получил «эко-хижину» вместо «эко-хижины».

— Пелаги? — уточнил он.

— Пелаги.

— Так это же я — Пелаги, — сказал он, и улыбка стала шире, только теперь в ней было что-то, от чего мне стало чуть легче дышать, будто кто-то выключил вентилятор, который я сама себе включила. — Хозяин. Дэва.

— Вика, — сказала я. И почувствовала, как это вырвалось само — без представления, без «приятно познакомиться». Просто «Вика». Кто-то из меня.

— Вика, — повторил он, пробуя на вкус, и кивнул так, будто запоминал, и спросил: — А вы из числа «оздоравливаться» или «выживать»?

Только тут я поняла, что мы уже идём — я с чемоданом, он с доской, кот, серый и действительно толстый, соизволил выйти из кустов и проводить нас взглядом. Тропинка вилась между бунгало — настоящими, деревянными, с резными ставнями, — и отовсюду пахло деревом, солью и цветами, тем самым «закатным» запахом, который я раньше представляла только по глянцу журналов.

— Я вас спрашиваю серьёзно, — продолжил он, оборачиваясь. — Сюда все едут двумя способами. Либо «алло, как всё красиво, поставьте здесь лежак», либо «у меня всё плохо, а тут хотя бы тепло». Редко кто бывает просто так. Из любопытства.

— А я, — сказала я честно, — хотела десять дней не держать ничего под контролем. Но у меня получилось шесть часов. Потом всё опять посыпалось.

Дэва не стал смеяться. Просто шёл рядом, чуть снижая шаг, чтобы мне было удобно с чемоданом, и спросил:

— А что у вас посыпалось?

Я открыла рот, чтобы сказать «да неважно, всё», но вместо этого сказала «ретрит», и «водопад», и «эко-хижину, которой нет», и как «они меня бросили у кассы с сорока килограммами багажа». И, слушая саму себя, я вдруг поняла, что жалуюсь. Легко. Без надрыва. Как будто рассказываю не про свою жизнь, а про фильм.

Дэва слушал. Не перебивал. Иногда кивал. Когда я закончила, он сказал:

— Знаете, у вас получилось не «десять дней без контроля», а «десять дней без плана». Это посильнее будет.

И привёл меня к бунгало, которое было меньше, чем на фотках, зато с двумя целыми ставнями и дверью, которая открывалась не от карточки, а по-человечески. Он отдал мне ключ — тяжёлый, деревянный, на кожаном шнурке, — и сказал:

— Завтрак в восемь. Закат — сам приходит. Закат не надо бронировать.

— А что тут можно бронировать?

— Ничего, — сказал он. — В этом вся штука.

Пока он говорил, я заметила на стене маленькую карточку, сделанную от руки, — с одной короткой надписью на трёх языках, включая русский: «Если у тебя болит — не прячь. Здесь умеют ждать.» Под ней стояла подпись и был выведен маленький значок — глиняная чашка.

— Это кто? — спросила я, кивнув на карточку.

— Аида. Наша художница с утёса, — сказал Дэва. — Она каждому новому оставляет такую. Говорит, что приехавшие сюда «с поломанным» должны знать, где их ждут. Она внизу, у воды, в своей мастерской.

Я пальцем провела по надписи. И от неё почему-то стало легче, чем от всего, что я слышала за день.

◆ ◆ ◆

Я уснула там, впервые за три месяца, без плана на завтра. И мне снилось море.

А наутро я проснулась от громкого вопля за окном: человеческий голос и — пожалуй — попугай, орущий «Н-е-т! Нет!» на два голоса.

Я выглянула. На площадке у кухни, под брезентом, стоял Дэва, а перед ним — парень лет двадцати двух в доскобоксах, который размахивал скутерным тетрадным листом и объяснял на невероятной смеси индонезийского, английского и языка пантомимы, что «брони, брони, всё уехало, а тут приехали две японские дамы, а у них не было на одно бунгало меньше, и поэтому...»

— ...мы поселили их в то, где сломана ручка душа, — закончил Дэва, не меняя лица.

— Ну да, немного, — смутился парень. И, обращаясь уже ко мне, весело: — А! Новая! Привет! Я Ньоман.

— Познакомься, — сказал Дэва. — Это Ньоман, мой двоюродный брат. Он у нас администратор. Сейчас, например, он администратор того, что две немецкие семьи недовольны, потому что у них на двоих одна парковка, и того, что утренняя «йога-группа» хочет йогу, а у нас вместо йоги здесь по утрам, — Дэва посмотрел на меня, — уличный рынок.

— Я не хочу йогу! — отозвался женский голос из глубины. — Я хочу, чтобы вы перестали... — и дальше пошло по-немецки, очень бодро и очень громко.

Я оглядела всё: пару переплетённых бунгало, рынок с утра, кота на подоконнике, попугая, двух японских дам, которые вышли в поле и теперь стояли в позах, от которых кажется, что у них открылся третий глаз, и Ньомана, смотревшего на меня с выражением «ну вот, теперь их будет двое».

А потом из-за угла вынырнула вчерашняя девочка — Сатри. Увидев меня, она радостно взвизгнула, подбежала и, прихрамывая, ткнула мне в ладонь маленький жёлтый плод.

— Это манго! — объявила она. — Дэва сказал, ты хорошая. Значит, — она посмотрела на меня с серьёзным лицом, — ты насовсем.

И, прежде чем я успела ответить, она убежала, оставив мне в ладони тёплое манго и странное, тёплое чувство в груди.

Я оглядела весь этот бардак, и внутри меня — я почувствовала это отчётливо — что-то шевельнулось. Не злорадство. Не «я сюда приехала отдыхать, а тут бардак». А что-то очень знакомое, очень моё.

Это был инстинкт.

Мой самый главный, самый отточенный, из-за которого, я была уверена, и сломалась моя свадьба, и сломались все мои «идеальные» годы. Инстинкт наводить порядок в бардаке. Организовывать. Строить схему из чужого хаоса.

«Дыши. Медленно», — напонила я себе. — «Перезагрузка».

Дэва смотрел на меня с полувопросительным выражением, будто видел, как во мне только что включились шестерёнки, и сказал:

— Чего это вы так смотрите? Как будто уже всё решили про мою жизнь.

— Я ничего не решаю, — честно ответила я. — Я просто вижу это... неупорядоченным.

— Всё в этой жизни неупорядочено, — сказал он. — Поэтому она и жизнь. В упорядоченном уже не поживёшь.

Он пошёл к своей доске. А я стояла в ночной майке и думала о том, что вот он — человек, который полностью владеет этим своим спокойствием, который не тащит на себе систему, а просто стоит на своём утёсе и принимает хаос, как закат. И от этого мне было непонятно что. И впервые за долгое время, глядя на него, я точно знала: ни один список в мире не приведёт меня туда, где мне будет спокойно. Туда, как выяснилось, ведёт только эта тропинка.

И что я, кажется, только что нашла место, где буду снова пытаться не всё контролировать. А это, если подумать, самое опасное, что может случиться с человеком вроде меня.

Глава 3. Рынок вместо йоги

Завтрак в «Пелаги» был событием.

Не в том смысле, в каком бывают «завтраки в хорошем отеле». А в том, что это был, пожалуй, единственный способ существовать в этом месте, потому что всё остальное существовало в режиме «приехали — не знали, что так».

Меня посадили за общий деревянный стол на веранде, где уже сидели: японские дамы (обе в одинаковых, но разной расцветки лосинах), немецкая семья — две мамы и трое детей, у которых на спинках стульев висели серфы, старый сухонький мужчина с альпинистским карабином на поясе, — тот, что, судя по всему, считал, что утёс — это гора, — и молодой парень с ноутбуком в углу, который смотрел в экран, но не печатал, а просто смотрел. Человек, приехавший сюда «удалённо работать», а на деле как раз и не работавший, наслаждаясь тишиной.

И над всем этим — Ибу.

Мама Дэвы. Небольшая, крепкая, с лицом человека, который не спрашивает совета, а сообщает решения. Она вынесла на поднос горячий «наси горенг» в банановом листе, поставила перед каждым и сказала по-английски, с таким произношением, что английский звучал как родной:

— Ешьте. Не думайте. Потом думайте.

Я поймала себя на том, что расплываюсь в улыбке.

— Вы русская? — спросил меня парень с ноутбуком, подняв голову. — Слышу акцент. Вы сюда как, на «диджитал-номадов» или на «перезагрузку»?

— На «все свои планы», — ответила я. — А вы?

— Я — на «поссориться с мамой», — сказал он с совершенно невозмутимым лицом. И, не меняя лица, пояснил: — Она в Новосибирске. Я здесь. Победа за мной. — Он протянул руку. — Лёша.

— Вика.

Мы засмеялись.

Ко мне подсел Ньоман, сунул мне кружку кофе — кстати, отличного, — и рассказал, что сегодня в десять должна была быть «йога, но вместо йоги у нас будет рынок, а потом вечером — «фильм под звёздами». И, кстати, вы же русская, да? У вас же телефоны, которые нельзя ломать? Вот у одной из дам сломался телефон, и она вечером хотела... — он посмотрел на японских дам, — ...позвонить какому-то человеку. А нельзя.

— Почему нельзя?

— Потому что она, — Ньоман понизил голос, — там, в Японии, живёт с одним человеком, а любит, по-моему, другого. И вот они обе вчера приехали «на подумать». И им нужно, чтобы телефон был, но «не в руках». Как вы думаете, это возможно?

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь дельное, но вместо этого сказала:

— А почему вы мне это рассказываете?

— Потому что вы похожи на человека, который может разобраться с телефоном. И с людьми. Вы же в Москве, наверное, такими делами занимаетесь?

И тут я поняла, что попала.

Не в смысле «меня раскрыли». А в смысле «это сработало». Меня бросили, я уволилась, я улетела на другой конец света, чтобы «не всё контролировать» — и за четырнадцать часов я уже вовсю применяла свой главный талант: разбираться с чужими «нельзя» и «а у нас сломано».

Я посмотрела на Дэву — он стоял в стороне, у кухни, пил кофе и наблюдал за мной с выражением, которое я не могла расшифровать. Не насмешка. Не одобрение. Что-то между «началось» и «я так и знал».

— Ньюман, — позвал он, и я готова поклясться, что в голосе было лишь лёгкое движение, — иди на рынок, привези ананас. Тот, что вчера привёз, — спелый.

— Я привёз спелый! — возмутился Ньюман.

— Он спелый для тебя. А для меня — ещё нет. — Дэва посмотрел на меня. — Вика, а вы с телефоном разберётесь? По-свойски. Смотрите: у нас в «Пелаги» нет ни одного сотрудника, который умеет решать такие вопросы, кроме моего брата, а он сегодня «на рынке». А вы — я так понимаю — умеете.

И, прежде чем я успела сказать «я вообще-то здесь отдыхаю от всего, что умею», он добавил:

— И вам, если честно, это пойдёт на пользу. Отдых — это ведь не «ничего не делать». Отдых — это делать то, что у тебя получается, но не потому, что надо, а потому что хочется. Вот смотрите: если вам отдохнуть хочется, а лежать не хочется, значит, надо не лежать.

Я открыла рот. Закрыла. И у меня, впервые за очень долгое время, не нашлось ни одного возражения.

Потому что он был прав.

◆ ◆ ◆

Мы пошли на рынок — я, Дэва и Ньюман. И там, смешавшись с толпой, продавцами ананасов и кокосов, я познакомилась ещё с одним человеком, про которого потом долго думала.

Это был молодой парень, загорелый, с растрёпанными от соли волосами, с серфом под мышкой, который — не помню как — всё время оказывался рядом. Он затаскивал коробку с рыбой за прилавок, шутил с продавщицами, которые как одна звали его «Нуан», и никуда при этом не спешил.

— Вот, — Дэва кивнул на него, — это Нуан. Мой... как сказать. Не брат, а скорее — «человек, который живёт рядом». Он учит всех тут серфить. И, — Дэва усмехнулся, — учит нас всех не паниковать. Это у него лучше всего выходит.

Нуан услышал, обернулся и во весь рот улыбнулся мне:

— Новенькая! А жить на утёсе — это просто. Я, если честно, сюда всё таскал на себе какую-то ерунду, а потом понял: не хочешь — не тащи. Бросил. И оно — гляди-ка — само приплыло обратно. — Он подмигнул.

— А если не приплыло? — спросила я.

— Ну, — он пожал плечами и глянул на море, — значит, оно не твоё было. Моё, что нужно, — всегда возвращается. Кстати, — он поднял палец, — проверено на моём серфе. Двадцать три раза его уносило. Двадцать три — приплывал. Так что держу только доску и свою репутацию. Остальное — на волю волн.

Я не знала, почему, но запомнила это.

А потом, уже когда мы ели на базаре, к нам подсел старик — сухой, обветренный, с цепкими смеющимися глазами, с щетиной и вечным взглядом «я всё уже повидал». Он держал в руке банку пива и смотрел на меня так, будто читал меня, как открытую книжку.

— А, русская, — сказал он по-английски с густым австралийским акцентом. — Люблю русских. У них всегда всё или «всё рухнуло», или «это судьба». Промежуточного не бывает. — Он протянул руку, шершавую и тёплую. — Патрик. Сорок лет тут. Начинал, ловя волну, теперь ловлю... — он весело прищурился, — ...второе дыхание.

— Вика. А вы что тут делаете, Патрик?

— Пью пиво, смотрю на море и вспоминаю свою Кэт, — сказал он легко, но глаза у него были не лёгкие. — Она была тут, на этих скалах. Потом её не стало. А я остался. Кто-то уезжает, кто-то остаётся. Я — остаюсь. Тут, на утёсе, вечно кто-то остаётся. И, — он поднял банку в мою сторону, — я вас заранее записал в «останутся».

Не знаю, почему, но от этих незнакомых людей, которые собрались у этого рынка и этого стола, мне сделалось тепло, как будто в мою измученную, вчерашнюю жизнь вдруг вдохнули воздуха.

И я подумала: здесь, на Бали, «чужая» — это не положение. Это стадия. Через которую, возможно, все проходят.

Весь день я потом просидела на веранде и разобрала ситуацию с японскими дамами. Старшую звали Сима, младшую — Юки. Сима показала мне фото человека и сказала по-английски с большим акцентом: «Это мой муж. Мы вместе двадцать лет. Но я хочу сказать ему правду. А боюсь. Телефон сломался. Значит, — она сделала жест, будто свела все причины в одну точку, — не надо говорить. Может, так лучше?»

Мне потребовалось минут сорок, чтобы объяснить ей и Юки, что телефон — это вещь, а правда — это не то, что можно отложить. И что я вообще говорю это, я, которая сама за три дня до свадьбы получила «давай возьмём паузу».

И когда я закончила, Сима посмотрела на меня и сказала:

— Вы тоже кого-то боитесь.

И это было так точно, что мне стало неловко. А потом стало легко. Потому что — да. И я вдруг поняла, что этот остров, этот утёс, этот рынок вместо йоги — всё это сговорилось вытащить из меня то, что я прятала.

К вечеру «фильм под звёздами» начался. Все тащили на утёс пледы, Нуан принёс гитару, кто-то — бутылку, японские дамы — ноутбук с фильмом на японском с японскими же субтитрами, и я села в конце, на самом краю, рядом с Дэвой, который молча всматривался в море.

— Вы там, у себя, — сказал он вдруг, не поворачивая головы, — всё время всех тащили на себе? Ну, чтобы жить. Чтобы не остановиться.

— Да, — ответила я, и это вырвалось без запинки. — Да, тащила. Я думала, если я всё доведу до конца, то мне будет за что себя уважать. А оказалось, что нет. Просто устаёшь.

Дэва помолчал, а потом перевёл на меня взгляд, тёмный, тёплый, и сказал:

— Теперь вы здесь. Здесь ничего не надо доводить до конца. Даже закат. Он просто приходит.

Мы сидели рядом, за спиной у нас, на плёнке, орал какой-то актёр по-японски, дети смеялись, Нуан тихо брэнчал на гитаре, попугай ругался, и у меня на запястье лежала чужая ладонь — нет, не лежала, просто случайно, — и я чувствовала её тепло так, будто это было нарочно.

А закат — и правда пришёл. Без меня, без списка, без приглашения. Оранжевый, розовый, лиловый. И, глядя на него, я подумала: «Вика, а что, если это и есть то самое?»

И я впервые за тридцать лет решила, что хочу узнать ответ.

Глава 4. Девушки-«на дозвук» и мастерская Аиды

Через три дня я знала про «Пелаги» больше, чем про собственный дом, в котором прожила шесть лет.

Я знала, что Ибу варит кофе так, что хочется остаться насовсем. Что Ньюман теряет брони с завидной регулярностью. Что у немецкой семьи на самом деле не двое детей, а трое, просто третий младше всех и всё время спит, поэтому его не считают. Что Лёша — парень с ноут-буком — здесь «удалённо работает» третий месяц и с тех пор не сделал ни одного дела. Что Нуан каждое утро выносит на пляж пять серфов для «гостей» и что гости, разучиваясь падать, дружно учатся не паниковать.

И — самое главное — что утром с пляжа, если подняться на самый высокий камень утёса и сесть лицом к океану, слышно, как там, внизу, кто-то играет на гамблуге. Такой металлический звук, будто по колокольчикам бьют деревянными палочками, идёт волной через воду, и от него на коже становится тепло, хотя солнце ещё только поднимается.

Я про этот камень никому не сказала. Это было моё место. У каждой здесь было своё.

Ко мне на второй день пришла Ибу и, не спрашивая, поставила передо мной чашку кофе и посмотрела так, как смотрит человек, который решил, что ты останешься, и уже начал готовить тебе место в семье. Я улыбнулась. Она не улыбнулась в ответ, но поставила рядом ещё одну чашку — для себя, села напротив, и мы просидели так минут пять, просто глядя на море. И это было одно из лучших «общений» в моей жизни, хотя мы не сказали ни слова.

А потом однажды утром я набралась смелости и спустилась вниз, к воде, туда, где, как сказал Дэва, стояла мастерская Аиды.

Мастерская оказалась чудом. Большой, светлый сарай из дерева и бамбука, распахнутый на море, со столами, заваленными глиной, полуготовыми вазами, кистями, горшками и тонкими, пронзительными набросками, развешанными по стенам. А внутри, за гончарным кругом, сидела Аида — босиком, в льняном фартуке, с руками по локоть в глине, — и на её лице было то, от чего у меня внутри защемило: та сосредоточенная, беззащитная погружённость человека, который наконец-то делает то, что любит.

— А, Вика! — она не подняла головы, но улыбнулась уголком рта. — Заходите. Бойтесь испачкаться?

— Я вечно старых. Я и поехала-то «на грязность».

— Вот и отлично, — она встала, отряхнула руки, — тогда всё, что я вам покажу, тоже «на грязность».

И она показала мне не «мастер-класс», а целый мир. Как из бесформенного комка глины рождается чашка. Как важно не давить, а водить, доверять. Как у неё после развода была только эта глина, и как она восемь лет «не создавала ничего, кроме посуды», а на самом деле просто боялась, что если возьмётся за картину — то в неё придёт всё то, что она так старательно закопала.

— Понимаешь, — она села на табуретку и закурила, глядя в море, — я двадцать лет делала «правильные вещи». Вышла замуж за человека, который был «правильный». Построила «правильную» жизнь. И в один момент поняла, что это всё — как моя посуда: красиво, но внутри пусто, потому что я никогда не делала то, чего хотела, — только то, за что меня хвалят. — Она посмотрела на меня. — А ты, я смотрю, приехала ровно за этим. Ты хоть знаешь, чего хочешь? Не «что должна», а — «чего хочешь»?

Я открыла рот. И поняла, что у меня нет ответа.

— Вот, — Аида кивнула. — Этого никто у тебя и не спрашивал. Меня тоже. Пока я сама не поняла, что меня кто-то у меня за спиной перезагрузил. — Она улыбнулась. — Так что добро пожаловать. Будем разбираться.

Я присидела у неё до обеда, и впервые за долгое время мне не нужно было молчать или «выглядеть хорошо». Я могла просто быть. У Аиды я чувствовала себя как в безопасной гавани, где не надо ничего нести.

А вечером на пляже появились три девушки. Все три — со скучной точностью, которую я вспоминала из Москвы, — в одинаковом «пляжном» стиле: ссылка в шапке профиля, камера на штативе, позы, от которых хочется зажмуриться. Они шли по кромке воды, и одна из них говорила в объектив:

— «Знаете, я приехала сюда, чтобы найти себя. И я нашла... кое-что. Подписывайтесь, чтобы...»

— ...чтобы я сама себе не подписалась, когда увижу в ленте, — пробормотала я себе. Я вообще не собиралась ни с кем разговаривать, но эти трое шли прямо на меня, потому что я с книжкой сидела на самом удобном для съёмки месте на утёсе.

Одна из них — высокая, с рыжей гривой и идеальной до смешного загорелой кожей — остановилась и сказала:

— Ой, привет! А вы здесь живёте? Это какой отель? Чудесное место, хочу снять тут. Сколько стоит день?

Я подняла глаза от книжки. И вместо «расписание у нас на сайте» услышала себя:

— Это не отель. Это гестхаус. У нас не снимают «дни на контент», у нас живут.

— А в чём разница? — прищурилась вторая. — Ну, у вас же лежаки, у вас же... красота же.

— Разница в том, что вас здесь никто не будет снимать, — сказала я, и мне это понравилось больше, чем должно было. — А красота у нас не для того, чтобы на неё смотреть. А для того, чтобы на ней не делать ничего.

Девушка открыла рот, закрыла, посмотрела на меня, потом на камеру, потом опять на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то — не злость, а задумчивость. И она сказала, уже без камеры:

— А вы, оказывается, там, у себя, все такие? Из-за этого и уезжаете?

— Возможно.

— А я вот — нет, — сказала она вдруг, и впервые её голос прозвучал почти по-человечески. — Я здесь впервые за год говорю не в камеру, а вот так. Поэтому, может, вы и правы. Но контент мне всё равно нужен. Ну не всё время же в это «ничего».

— Я Комуня, — вдруг добавила она. — А вы?

Я представилась. И между нами что-то промелькнуло. Какое-то узнавание. Она была как я, лет десять назад, только вместо цветастых лосин у неё была подписка, а вместо списка дел — контент. И я вдруг почувствовала, что мне не хочется её осуждать, а хочется, чтобы ей было так же хорошо, как мне, когда я сижу на камне и слушаю гамблу.

— Хотите, — сказала я, — покажу вам место, где контент получается сам собой. Только условие: вы его не публикуете, пока не посмотрите на него завтра утром, без фильтров.

Они переглянулись. Потом Комуня сказала:

— Мы согласны. А вы?

— Я — уже здесь, — я улыбнулась, и кажется, впервые за долгое время, не притворяясь. — Мне ничего не надо от вас. В этом вся суть.

И когда мы шли по тропинке к моему камню, я поймала себя на том, что чувствую себя — почти — счастливой. И дело было не в том, что я кому-то помогаю. А в том, что я помогаю не заставляя. Не по обязанности. Не по списку.

И это был первый раз в моей жизни, когда я делала что-то для других и не чувствовала, что после этого у меня что-то отнимают.

◆ ◆ ◆

Вечером, за ужином, Дэва, который сидел с нами впервые за весь день, посмотрел на меня через стол и спросил:

— А вас не жалко? Ну, что вы всё время с чужими людьми. Девушки-«камера-в-профиле», японские «дамы-подумать», немецкая семья, Лёша. Вы всё время кого-то организуете, мирите, приводите сюда. А где — вы?

Я замерла с вилок в руке. И мне стало холодно. Потому что он сказал это так, что я вдруг увидела себя со стороны: я приехала «отдохнуть от всего», и я снова всем этим занимаюсь. Только теперь мне это нравилось, и я даже не заметила, как это превратилось обратно в работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.